

НА ГАНГУТЕ

О ГАЗЕТАХ ЗАЩИТНИКОВ ХАНКО

Обзор В. А. Ш о п и н а

Пусть слово в слово входит круто,
Пусть будут камнями слова,
Пусть слава русского Гангута
Вовек останется жива.

Михаил Д у д и н

Почти полгода, с 22 июня по 2 декабря 1941 г., героически оборонялась военно-морская база Ханко (Гангут). Врагу не удалось продвинуться в глубь нашей территории. Гангутцы не только отражали атаки, но сами захватили 19 белофинских островов. 25-тысячный гарнизон под командованием генерала С. И. Кабанова препятствовал врагу блокировать советский Балтийский флот в восточной части Финского залива¹.

Гангут был вдохновляющим примером для бойцов не только Ленинградского фронта. Защитники Москвы писали гангутцам: «Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступив перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма»². 3 ноября 1941 г. «Правда» призывала Москву повторить подвиг Ханко.

Военно-морская база на юго-западе Финляндии была организована в марте 1940 г. Год прошел в заботах по укреплению базы. «Весна 1941 года, — вспоминает гангутец поэт Михаил Дудин, — была бурной и веселой. Наступали белые ночи. Бушевала и буйствовала сирень. Первый снаряд навывлет прошел легкие стены библиотеки, опрокинув книжные полки, перевернув стол, на котором лежала рукопись истории полка. Начиналась другая история. Надо было считать другие зарубки и ставить другие кресты»³.

Литературные силы на Гангуте были сосредоточены вокруг газет «Боевая вахта» и «Защитник Родины». Политотделом базы издавалась ежедневная газета «Боевая вахта» (с конца сентября «Красный Гангут»); всего с 22 июня по 2 декабря 1941 г. было выпущено около 150 номеров. Редактировал газету Ф. Зудинов, а после его гибели в июле — А. Эдельштейн. Ежедневно выходила также газета 8 отдельной стрелковой бригады «Защитник Родины» (отв. редактор И. Ищенко). В газетах сотрудничали находившийся на Ханко писатель К. Золотовский, автор известных книг о водолазах, военкоры М. Дудин, Е. Войскунский, Н. Никитушкин, А. Коровин, ставшие впоследствии литераторами-профессионалами, а также многочисленные самодеятельные авторы. На страницах «Красного Гангута» можно было также прочесть статьи известных советских писателей А. Толстого, М. Шолохова, Н. Тихонова, Вс. Вишневского, И. Эренбурга, В. Саянова. В литературно-общественной жизни Гангута участвовали корреспонденты газет «Красный флот» (В. Ананьин) и «Красный Балтийский флот» (П. Звонков), а также корреспондент ТАСС В. Рудный, который принял активное

участие в составлении письма «Героическим защитникам Москвы от защитников полуострова Ханко», опубликованного в «Правде» 2 ноября 1941 г.

Литкружок при газете «Защитник Родины» назначил на 22 июня беседу об истории входившего в бригаду Петроградского полка. Сформированный в 1918 г., он воевал против Колчака, затем на Украине, в 1939—1940 гг. — на Карельском перешейке. Беседа не состоялась — новый рассказ об истории части начала сама жизнь. Жизнь подсказывала новые, более оперативные формы работы для газеты. 12 июля вышел «специальный выпуск», посвященный подвигу бойцов батальона капитана Я. С. Сукача. Во втором «специальном выпуске» были помещены стихи Н. Черноуса, посвященные боевым традициям русского оружия.

Лезли рыцари, как свиньи,
Но не все ушли назад.
Кости гадов и поныне
В Чудском озере лежат.

И под Танненбергом орды
Были биты (самый двет!).
Прогорел Тевтонский орден,
Кровь смывала немцев след.

Беспощадно и сурово
Подучали палачи;
Крепко дал тогда Суворов —
Потерял Берлин ключи...⁴

Основное внимание поэты уделяли «положительному опыту» самих гангутцев. Одним из первых Героев Советского Союза в Великой Отечественной войне стал гангутец Петр Сокур. «Дерись с врагом, как дрался Сокур» — так назывался очередной «специальный выпуск». Ясные по мысли и четкие по языку стихи сразу доходили до сердца бойца. Броские крылатые заголовки усиливали их действенность: «Здесь фашистам не пройти — мы им встали на пути!» или «Дело красного бойца — бить фашистов до конца». Вскоре на помощь поэтам пришли художники. «Специальный выпуск» № 6 от 24 июля, содержавший как бы практическую инструкцию по ведению боя, был проиллюстрирован рисунками Б. Уткова. Именно здесь, в работе над «специальными выпусками», выходящими через день-два, развивалась сатирическая сторона таланта М. Дудина, которая была особенно заметна в первый год войны. «Это был, — вспоминает о встрече с М. Дудиным А. Дымшиц, — неистощимо остроумный поэт, мастер сатирической импровизации»⁵.

Важно было, особенно в первые месяцы войны, разоблачить миф о непобедимости гитлеровской армии. Четкими штрихами очерчивалась ложь гитлеровской пропаганды («Существенная поправка»), непрочность союза гитлеровцев и белофиннов («Дружба по-фашистски»). Важно было также мобилизовать каждого бойца на неуклонное выполнение долга. В доходчивой юмористической форме начинал поэт рассказ, например, о Симе Кувалдине:

До войны Кувалдин Сима
Чистил своего «максима»,
А как стали воевать,
И на чистку наплевать...

Незадачливому Симе приснился страшный сон: враги наступают, а заржавленный пулемет отказывается стрелять. Проснулся он в поту — и к пулемету. Поэт заключает:

Сон-то сном. Запомни: нужно
Сберегать свое оружие,
А сегодня, на войне,
Береги его вдвойне⁶.

Несомненна воспитательная роль стихов М. Дудина о неряхе Замарашкине, о шалопаях Храпоносове, «Об одном трусе и его Марусе». Подобным же образом стремились работать в «специальных выпусках» Н. Черноус и К. Мархель с художниками Б. Утковым и Б. Волковым.

«Защитник Родины» пользовался всеми видами литературного оружия. Широко был представлен жанр статей-очерков (например, «Единство» М. Дудина — обзор писем на фронт). Но всегда особое место принадлежало стихам.

О холодный камень бьется валом
Темная свинцовая вода.
Мы тверды, как эти каменные скалы,
В грозный час не сломит нас беда.

Мы знамен победных не уроним,
Здесь чужая не пройдет нога.
Родина, мы наши головы не склоним
Перед черной силою врага.

.....

Верь, что каждый в битвах этих острях
Постоит, как этих скал гранит.
До последней нашей жизни полуостров
Неприступность свято сохранит⁷.

Выражая героический пафос времени, показывая формирование героя из рядового бойца, поэты вместе с тем стремились избежать ходульности, показать своеобразный быт войны, обрисовать конкретные человеческие черты.

Приказ всегда и точен и суров.
Он повторен почти на память снова.
И встал красноармеец Иванов —
Мы знаем коммуниста Иванова.

Он прям и прост, он ростом невысок,
Он на досуге любит посмеяться,
Забить «козла», — всему положен срок, —
И лет ему от роду только двадцать⁸.

После эвакуации Таллина роль местной печати на Ханко стала особенно ответственной, так как гарнизон сражался в глубоком тылу противника, сотнями миль отделенный от фронта, причем катера и самолеты к Ханко прорывались не часто, связь с Большой землей поддерживалась по радио, и центральные и ленинградские газеты почти не приходили.

Центром литературной жизни на Ханко стала газета «Красный Гангут» («Боевая вахта»). Художник Б. И. Пророков, прибывший на Гангут в июле 1941 г., вспоминает о том, что командование базы придавало большое значение работе газеты, ставя перед ее сотрудниками конкретные задания⁹. Газета печаталась на разноцветной оберточной бумаге, но всегда выходила в срок.

В газете был организован сатирический отдел «Гангут смеется». Фельетоны и стихи К. Золотовского, Е. Войскунского, Н. Черноуса и других авторов разоблачали незадачливых правителей Финляндии, квислинговцев всех мастей, ложь геббельсовской пропаганды. Авторы отдела проявляли много выдумки и изобретательности. 7 августа, например, было помещено такое объявление: «Срочно требуется квартира, подальше от Ханко, из-за плохих „метеорологических“ условий. Штаб шюцкоров».

В отделе заметное место занимали рисунки Б. Волкова, Б. Пророкова, его ученика И. Шпульникова. Роль их была очень велика. Иногда рисунки получались настолько выразительными, что даже текста не требовалось. Например, на одном рисунке Б. Пророкова был изображен белофинский офицер, истопно вопивший: «Рюсс, сдавайтесь! Вы в плену!» — «Да ну?!» — следовал незамедлительный ответ советской артиллерии, и белофинна разрывало на куски (второй рисунок)¹⁰. Большинство материалов отдела было подготовлено связанными творческой дружбой Б. Пророковым и М. Дудиным. Так, характерный эпизод был изображен ими в серии из трех рисунков.

На первом фашистский летчик летит на свинье с крыльями:

Нам сосед листовку сбросил:
«Вам, мол, очень тяжело.
К нам идите, очень просим,
По такой бумажке».

Гангут смеется

ЧЕРНО-ВОРОНЫ
И
БЕЛО-ФИННЫ

Издание Политотдела Военно-морской базы Ханко
Ноябрь 1941 г.

Ай, как невежливо...

Нам госд. листовку сбросил
«Вот, мол, очень тяжело»

К нам идите, очень просим
По такой бумажке»

Мы пришли на приглашение
Деликатность, так сказать...

Но на наше удивление
Пропуск некому вручать

«ГАНГУТ СМЕЕТСЯ»

Сборник, составленный из материалов сатирического отдела газеты «Красный Гангут».

Изд. Политотдела военно-морской базы Ханко, ноябрь 1941 г.

Обложка и первая страница сборника. Рисунки Б. И. Пророкова

Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

На втором рисунке балтийцы во весь рост идут в атаку на врага:

Мы пошли на приглашение.
Деликатность, так сказать...

На третьем рисунке белофинн сбит в море краснофлотским штыком:

...Но на наше удивление
Пропуск некому вручать ¹¹.

Сатирический отдел газеты пользовался большой популярностью ¹². Положительную оценку получил он и на конференции партийного актива Гангута. Это было обусловлено его жизненностью, злободневностью. Так, упомянутая уже нами серия из трех рисунков была опубликована сразу же после известия о том, что бойцы капитана Б. Гранина выбили белофиннов с одного из островов; утром следующего дня границы уже читали этот номер газеты. Своеобразное «признание» получили М. Дудин и Б. Пророков и у врага: листовки их на финском и русском языках перебрасывались к противнику, и летчики говорили, что легче трижды штурмовать передний край, чем сбрасывать листовки, — свидетельство их действенности.

Находили широкий отклик и произведения иных жанров. Концертная бригада Дома Военно-морского флота дала несколько сотен концертов, включая в программу песни композитора матроса Игоря Костко на слова ханковцев и многие другие произведения местных авторов. От сатирических куплетов и призывных воззваний молодые поэты переходили к лирическим стихам:

Настала ночь. Свежо и остро
Осенняя сырая мгла
На грозный, гордый полуостров
Тенями серыми легла.
В лесу низина пахнет прелью,
А над листвою сырость, мрак,

«ГАНГУТЦЫ»

Сборник стихотворений защитников Ханко,
Изд. газеты «Красный Гангут». Ханко, ноябрь
1941 г.

Обложка. Рисунок Б. И. Пророкова
Собрание В. А. Рудного, Москва

Разбитый вдребезги шпангелю
Уныло чахнет березняк.
За перелеском на границе
(Как будто землю гром шатнул)
Мелькают яркие зарницы
И орудейный слышен гул¹³.

Литераторы Гангута жили одной жизнью со своими героями. В отличие от других участков фронта, где происходило беспрестанное изменение позиций и замена частей, Гангут в течение пяти месяцев был единым организмом. Всех объединяла «друг в друга вера, спаянная кровью». Военнослужащие, составлявшие творческий актив газет, в основном находились в боевых порядках, непосредственно участвуя в борьбе. Н. Никитушкин, например, был командиром взвода в десантном отряде. М. Дудин служил в полковой батарее и лишь осенью был откомандирован в редакцию «Красного Гангута». К. Золотовскому довелось не только совершать рискованные поездки за сбором материалов (например, на остров Осмуссар под огнем врага), но и помогать матросам в качестве водолаза. Литераторы постоянно выступали перед бойцами.

Творческий актив газет направлял свои силы также на то, чтобы выявить новых авторов, помочь им. Порой авторами становились герои очерков и стихов. В газеты шел поток рукописей из частей (например, стихи И. Котова, Д. Мишина, Л. Аронова, К. Стадника, С. Афанасьева, Ф. Зайцева, В. Никифорова и многих других). В подвале каменного дома, где помещалась редакция «Красного Гангута», постоянно заходили «самодеятельные» авторы, поэты и художники, солдаты и матросы. Б. Пророков, освоивший производство клише на линолеуме, обучал товарищей искусству графики и работе над линогравюрами, сюжеты которых порой рождались в самих боях (так, в газете был опубликован рисунок летчика Г. Семенова «Разгром вражеской эскадры»).

Все лучшие произведения гангутцев с их лиризмом и душевной проникновенностью возникали из конкретной жизни, вызывая горячие отклики бойцов. Особенно

свойственно это поэзии М. Дудина, буквально от стихотворения к стихотворению совершенствовавшего свое мастерство. «Под огнем врага, — вспоминает Д. Хренков, — в окопах переднего края, у неярких костров недолгих привалов увидел Михаил Дудин главного героя своей поэзии. Увидел, чтобы долго идти с ним локоть к локтю, деля и пайку табака и душевные мысли. Это была не просто дружба. Это было братство...»¹⁴ О непосредственной связи поэзии М. Дудина с жизнью говорят сами названия стихов, посвященных летчикам, матросам, солдатам — «Антоненко и Бринько», «Товарищ командир», «Аня Молитвина», «Борисов», «Гриденко». Стихотворение «Гриденко» было посвящено подвигу краснофлотца, под огнем переплывшего пролив.

Он кинулся в бурлящие воронки,
Соленым ветром захлестнуло рот.
Два снайпера ударили вдогонку,
И нервной дрожью вспыхнул пулемет.
Он всё забыл, кипучее стремленье
Его несло и умирать, и жить.
И мысль одна. Скорей за подкрепленьем,
Добраться, доборотья, доложить.
И он петлял. Он в стороны метался,
Хоть шторм и пули были заодно,
Он пробкой на поверхность вырывался,
Тяжелым камнем уходил на дно.
В кровь изодрав и локти, и колени,
Донелся зол и до предела слаб,
Он выплыл и пополз на четвереньках
И не вошел — ввалился плахой в штаб.
И капитан увел навстречу ночи
Своих ребят, успев в дверях сказать:
— Герой! Но это между прочим,
Дать спирту и перевязать¹⁵.

За это стихотворение М. Дудин получил благодарность от капитана, командира десантного отряда Б. Гранина. И поныне гангутцы с признательностью вспоминают боевую лирику поэта.

О холодный камень бьется влом
Темная санитарная вода.
Мы тверды, как эти каменные скалы,
В грозный час не сломит нас беда.
Мы знаем победных не уроним
Здесь чужья не пройдет вода.
Родина, мы наши головы не склоним
Перед черной силой врага.
Мы навстречу встанем грозным строем.
Нам не страшен взрывов черный дым.
Родина, твое оружие боевое
Только вместе с жизнью отдадим.
Верь, что каждый в битвах этих острый
Постойт, как этих скал гранит.
До полудней нашей жизни полуостров
Непреступность свято сохранил.

Михаил Дудин.

«ГЕРОИ ГАНГУТА»

Сборник. Изд. Политотдела Военно-морской базы Ханко, октябрь 1941 г.

Страница со стихами М. А. Дудина

Собрание В. А. Рудного, Москва

Воспитывая бойцов, многочисленные корреспонденты также рисовали конкретные образы героев. Редакция ввела рубрику «Герои Гангута», которая открылась Указом о награждении группы гангутцев. Под этой рубрикой в разное время были опубликованы очерки Н. Тарасова о лейтенанте С. Курвосове, Н. Иващенко о катернике Б. Линенкове, А. Ветрова об артиллеристе Н. Егорове и враче А. Коровине, К. Золотовского об артиллеристе Н. Руденко, В. Беловусько о политруке В. Гончаренко, Г. Гурашидзе о капитане И. Шерстневце, М. Дудина о командирах И. Щербановском и А. Афанасьеве, Е. Войскунского о красноармейце В. Буянове и старшем лейтенанте Л. Горбунове. Очерки сопровождались портретами героев.

Не только описать подвиг, но показать истоки его, обрисовать формирование характера героя, работу его в перерывах между боями — такую задачу ставили перед собой очеркисты¹⁶.

Постоянной темой была воинская дружба. «Не забывайте о взаимной товарищеской выручке в бою, — напоминалось в очерке А. Ветрова. — Попал в беду один, идите на выручку и вместе бейте врага. В этом секрет успеха»¹⁷. Особое внимание уделялось теме сплоченности бойцов и командиров. «Надо строить новые объекты и укрепления... Рубили и сплавливали с ближайших островов лес, рвали скалу. Командир был вместе с бойцами...»¹⁸. В решительный момент сплоченность коллектива принесет победу: «Черные бушлаты и черная ночь. Командир группы, горячий и прямой, быстрый и решительный, всегда точный в своих расчетах, Щербановский молча подходит к ребятам. Крепкое рукопожатие. В нем всё: и смелость, и уверенность, и то чувство взаимопонимания, несомнимое, рожденное в боях, чувство, которое подкупает и располагает к себе сердца бойцов...»¹⁹. Товарищеская спайка особенно много значила для малочисленного гарнизона, бойцы каждый день читали о том или ином своем товарище, отличившемся в бою. Братская дружба подчеркивалась также в статьях о революционных и боевых традициях (К. Золотовского, А. Векуа и др.).

Из простых эпизодов вырастали большие обобщения. Самоотверженный труд хирурга Аркадия Сергеевича Коровина, специалиста с 18-летним стажем, становился символом социалистической гуманности. Дружба украинца Ивана Долгого и казаха Алатая Макишева рисовалась А. Ветрову олицетворением дружбы народов Советского Союза.

Следует подчеркнуть, что творчеству гангутцев вообще был присущ высокий дух пролетарского интернационализма. В стихотворных обзорах жизни Европы поэты выражали сочувствие поработанным народам. Они выражали сочувствие и народу Финляндии, проливавшему кровь ради интересов империалистов, отделяли финский народ от белофиннов. В листовках, переведившихся на финский язык, гангутцы стремились раскрыть глаза финским солдатам на истинное положение дел, призывали их перейти на нашу сторону.

В корреспонденциях, естественно, уделялось значительное место и «технической» стороне: взаимодействию родов войск, наилучшей организации обороны. А. Ветров рассказывал, например, о работе замкового комендора в условиях сильных морозов. Можно было читать и статьи самих героев, которые делились боевым опытом (например, статья флотского артиллериста, легендарного десантника капитана Б. М. Гранина «Борьба с десантом противника» изучалась повсеместно).

Интересным эпизодом в жизни Гангута явилась «переписка» с Маннергеймом. Воздав должное героизму гарнизона, барон в своем обращении убеждал в бесперспективности борьбы. Маннергейм и раньше пользовался «вниманием» гангутцев: ему доставалась в «Боевой вахте», к белофиннам забрасывалась листовка, сатирически разоблачавшая Маннергейма («Кто он?»). На этот раз М. Дудин и Б. Пророков составили более обстоятельное письмо в духе ответа запорожцев турецкому султану. Кончалось оно так: «Сунешься с моря — ответим морем свинца! Сунешься с земли — взлетишь на воздух! Сунешься с воздуха — вгоним в землю! Мы придем мстить... До встречи, барон!» Тысяча экземпляров письма была сброшена над Хельсинки.

Работа авторов на Ханко была отражена политотделами базы и флота в сборниках «Гангутцы», «Гангут смеется», «Поэты Ханко» (Н. Никитушкин, В. Смирнов, В. Жилин и др.). Когда в связи с решением Ставки гангутцы уходили в Кронштадт, матросам и сол-

«ХРАНИ ТРАДИЦИИ ГАНГУТА»

Памятка, которая вручалась защитникам Ханко в день оставления полуострова.
Изд. Политотдела Военно-морской базы Ханко, ноябрь 1941 г.

Обложка. Рисунок Б. И. Пророкова
Собрание В. А. Рудного, Москва

ИЗДАНИЕ ПОЛИТОТДЕЛА ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ ХАНКО
НОЯБРЬ, 1941 г.

датам при посадке на корабли вручалась синяя книжечка, содержавшая портреты 12 героев и стихи о них, с гравюрой на обложке, изображавшей матроса, и надписью «Храни традиции Гангута!»

Гангутцы выстояли. Кто определит роль литераторов в их подвиге? Но она несомненная, эта роль. Гангутцы ушли с победой. «Мы уходим сами, непобежденные, гордо неся славное имя гангутцев, — говорилось в передовой последнего номера, написанной Е. Войскунским. — На любом фронте, куда бы нас ни послали, мы будем высоко держать знамя боевых традиций гангутцев»²⁰.

Уже во время перехода в Кронштадт это обещание было подтверждено делами. Солдаты и матросы мужественно переносили трудности перехода. Последний, экстренный выпуск стенной газеты был сделан на тральщике М. Дудиным и Б. Пророковым на куске помятой бумаги.

Борьба продолжалась. Гангутцы сражались с врагом на других участках фронта. Генерал С. И. Кабанов командовал обороной полуостровов Рыбачий и Средний, а затем воевал на Дальнем Востоке. Дивизионный комиссар А. Л. Раскин был начальником Политуправления Черноморского флота. 8 отдельная бригада была преобразована в 136 стрелковую дивизию. В январе 1943 г. «на острие наступления» 136 дивизия под командованием Н. П. Симоняка, прорывая в составе 67 армии кольцо блокады, форсировала Неву и нанесла удар в направлении на Марьино. Гангутский генерал Симоняк стал на Ленинградском фронте «генералом прорыва». В составе 42 армии его гвардейский корпус, в котором находились гангутцы, нанес в январе 1944 г. удар под Пулковом, снимая блокаду с Ленинграда.

Творческий коллектив «Красного Гангута» и «Защитника Родины» продолжал работу в газетах «Огневой щит» (Н. Никитушкин, Е. Войскунский), «На страже Родины» (М. Дудин), «Красный Балтийский флот» (П. Звонков) и др. Б. Пророков был послан в распоряжение Политуправления Черноморского флота. Но и в дальнейшей творческой работе они не забывали героической обороны Гангута. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные стихи М. Дудина, в поэзии которого гангутская тема солдатской дружбы и воинской верности долгу осталась одной из основных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2. М., Воениздат, 1961, стр. 94.
- ² Героическим защитникам полуострова Ханко от защитников Москвы.— «Красный Гангут», 1941, № 153, 22 ноября.
- ³ М. Дудин. Стихи. М., Гослитиздат, 1960, стр. 9.
- ⁴ Специальный выпуск газеты «Защитник Родины», 1941, № 2, 17 июля.
- ⁵ А. Дымшиц. Солдат мира.— В кн.: М. Дудин. Цветам — цвести! Ленинград, 1958, стр. 3.
- ⁶ Специальный выпуск газеты «Защитник Родины», 1941, № 8, 30 июля.
- ⁷ М. Дудин. Наша песня.— «Защитник Родины», 1941, № 82, 14 августа.
- ⁸ М. Дудин. Стихи о красноармейце Иванове.— «Защитник Родины», 1941, № 110, 30 сентября.
- ⁹ Б. И. Пророков. Листки воспоминаний.— В сб.: «Своим оружием». М., Госполитиздат, 1961, стр. 344.
- ¹⁰ «Боевая вахта», 1941, № 84, 14 сентября.
- ¹¹ «Боевая вахта», 1941, № 44, 5 августа.
- ¹² См.: В. Рудный. Гангутцы. М., Воениздат, 1957, стр. 543.
- ¹³ Г. Мокрогузов. Ночь на Гангуте.— В сб.: «Поэты Ханко». Л., Изд. ПУ КБФ, 1941, стр. 18.
- ¹⁴ Д. Хренков. Послесловие в кн.: М. Дудин. До востребования. Ленинград, 1963, стр. 250.
- ¹⁵ М. Дудин. Фляга. Л., Гослитиздат, 1943, стр. 34.
- ¹⁶ См., напр.: Е. Войскунский. Балтийский моряк Лев Горбунов.— «Красный Гангут», 1941, № 119, 19 октября.
- ¹⁷ А. Ветров. Николай Иванович Егоров.— «Красный Гангут», 1941, № 111, 11 октября.
- ¹⁸ А. Ветров. Виктор Полянский.— «Боевая вахта», 1941, № 84, 14 сентября.
- ¹⁹ М. Дудин. Дерзость и трезвый расчет.— «Красный Гангут», 1941, № 130, 30 октября.
- ²⁰ Мы еще вернемся! — «Красный Гангут», 1941, № 162, 1 декабря.